

© 2018 г.

Г. А. ГРЕБЕНЩИКОВА

РОССИЯ НА ТЕШЕНСКОМ КОНГРЕССЕ

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Санкт-Петербург, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001423-3

В апреле — мае 1779 г. в городе Тешен (Силезия) состоялся конгресс, уступающий съездам более масштабного значения. Вместе с тем именно благодаря ему укрепились в дальнейшем позиции России на международной арене. Влиятельные и давние игроки на политическом поле Европы, как Австрия, Пруссия и Франция, преследуя собственные политические цели, спешили заручиться поддержкой России в неожиданно возникшей ситуации, связанной с борьбой за Баварское наследство. В ходе многочасовых переговоров по животрепещущим вопросам германской политики великие державы воспринимали и расценивали Россию как полноправного и весомого участника концерта, без которого ни одно решение по германо-австрийскому направлению не имело окончательной юридической силы. В 1778—1779 гг. четырехугольник Петербург — Берлин — Париж — Вена являлся действенным фактором в деле сохранения мира, безопасности и спокойствия в Европе. По удачному высказыванию историка А. С. Трачевского, «накануне большой французской революции германский вопрос уже заметно выступал на первый план в истории. И если бы не мировой переворот во Франции, он стал бы душой европейской политики»¹.

События в Тешене вполне можно назвать представительным съездом дипломатов самого высокого ранга, взявшихся за урегулирование сложных споров между германскими владетельными герцогами, австрийской монархией и прусским королем. А уполномоченный России на том конгрессе князь Н. В. Репнин успешно и талантливо справился с посреднической ролью миротворца Германии. Принадлежит к блестящей когорте русских дипломатов, обладая заслуженным авторитетом среди влиятельных политиков и военных, Николай Васильевич Репнин в очередной раз продемонстрировал в Тешене умение твело отстаивать интересы и достоинство своей державы и направлять переговоры в нужное русло, чтобы не допустить боевого столкновения споривших сторон. Без этих качеств, присущих высоко профессиональному дипломату, предостеречь неизбежную войну между Австрией и Пруссией с вероятным вступлением в нее России, скорее всего, не удалось бы.

В российской историографии события Тешенского конгресса нашли отражение в книге московского ученого Г. А. Нерсесова, вышедшей в 1988 г. Неоспоримой заслугой этого историка стало привлечение специальной иностранной литературы с оригинальным авторским переводом, причем большое количество контекстов ранее в русском переводе не публиковалось. Г. А. Нерсесов последовательно и убедительно изложил предшествовавшие конгрессу события, ввел в научный оборот часть неизвестной переписки Фридриха II, Иосифа II и Марии Терезии. Эти и документальные материалы восполнили недостающие звенья в освещении темы².

¹ Трачевский А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. СПб., 1877, с. 1.

² Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе. М., 1988.

Вместе с тем приходится констатировать, что непосредственно ход работы конгресса в Тешене отразился в российских источниках довольно скупо и известен только из нескольких сохранившихся писем князя Н. В. Репнина первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н. И. Панину. Эти письма, сгруппированные под названием «Дипломатические акты из архива князя Н. В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 г., изданные профессором Ф. Ф. Мартенсом», вошли в 65-й том сборника Императорского русского исторического общества. В этой связи представляется странным отсутствие подробных реляций Репнина Екатерине II, что является нонсенсом в период ее царствования, когда все дипломатические представители России отсылали подробнейшие реляции с мест их службы. В сборнике, однако, оговорено, что все бумаги князя Н. В. Репнина хранятся в его личном архиве, но где в настоящее время находится этот архив — неизвестно, поэтому помимо некоторых наиболее важных писем и депеш Репнина было необходимо обратиться к фондам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) Историко-документального департамента МИД РФ.

Споры из-за Баварского наследства, достигшие апогея в 1778 г., невозможно рассматривать без учета и анализа узловых проблем взаимоотношений держав и позиции России, занимаемой ею во внешнеполитическом пасьянсе. Такой подход обуславливается двумя взаимодополняющими друг друга причинами. Во-первых, необходимо подчеркнуть остроту положения империи Екатерины II во второй половине 1770-х годов и, во-вторых, логически вытекавшими задачами ее кабинета по вопросам обороны и государственной безопасности именно в тот период, когда перед Екатериной II возникла непростая дилемма вмешательства (или отказа от него) в германские разногласия. Руководствуясь приоритетными целями внешней и морской политики, связанными с обстановкой на Чёрном море и с турецкими делами, Екатерина II оказалась на пороге принятия важного государственного решения. В данном случае удачный и далеко не случайный выбор ею князя Н. В. Репнина в качестве своего представителя в Тешене перевесил чашу весов в пользу вмешательства, но пока на уровне державы-посредницы.

Ко времени развернувшихся на территории Германии событий Российской империя уже обладала значительным влиянием в общеевропейской системе сложившихся отношений, условно обозначенной как «Петербургская система»³. После успешного завершения Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Россия выполнила ряд важных геополитических предначертаний на юге, задуманных еще Петром I, но в силу веских причин не осуществленных им и отложенных в портфель государства в ожидании своего часа. Кючук-Кайнарджийский мир, подписанный воюющими сторонами 10(21) июля 1774 г., принес российской державе выход к Чёрному морю, провозгласил независимость Крымского ханства и татар от верховенства турецкого султана. Россия приобрела стратегически важные крепости Азов, Кинбурн, Керчь, Еникале, земли на Кубани и часть территории между Бугом и Днепром, получила возможность создавать на юге линейный флот и обустривать порты базирования Херсон и Севастополь. Другие статьи договора обеспечил русскому купечеству свободное плавание по Чёрному морю, а также через Мраморное море и Дарданеллы — по аналогии с торговыми судами тех держав, которые издавна обладали этим правом — Англии, Франции, Венеции, Неаполя и др.

Турция, однако, не смирилась с потерями крепостей и лишением верховенства над татарами, поэтому стремительно наращивала военный потенциал и поднимала флот, уничтоженный в Чесменской бухте в июне 1770 г. русской эскадрой под началом графа А. Г. Орлова. Во всеобъемлющем деле восстановления морских сил султан Абдул Гамид I охотно принимал политическую и финансовую помощь от Франции.

³ Подробнее см. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.—СПб., 2015.

Осенью 1775 г. для ратификации Кючук-Кайнарджийского трактата Екатерина II направила в Константинополь князя Н. В. Репнина, полагаясь на его искусство и знание психологии турок. Н. В. Репнин принимал участие в боевых действиях и в переговорах о мире, когда пребывал в ставке командующего 1-й армией графа П. А. Румянцева. В турецкой столице Николай Васильевич поражался послевоенному разгулу фанатизма и господствовавшим там ярким антироссийским настроениям. На конференциях с министром иностранных дел Турции Рейс Эфенди дипломат столкнулся с невероятным упорством и нежеланием принимать условия договора, становилось совершенно очевидно, что турецкое руководство рассматривало Кючук-Кайнарджийский мир как временный, который скоро будет аннулирован. Рейс Эфенди открыто заявлял: так называемой вольности крымских татар требуют лишь «бродяги ничего не значащие», а большинство уважаемых людей хотят остаться под покровительством Высокой Порты⁴. В жесткой форме Эфенди требовал «отступления России от независимости татар, которой сей народ не хочет», и вернуть южные крепости⁵.

После серии напряженных переговоров Репнин сформулировал вывод, который и отправил в Петербург: «В таком правительстве, как здесь, где чернь и фанатизм владychествуют, ничего совершенно верно предсказать нельзя»⁶. На основании реляций Репнина в Зимнем дворце уже не сомневались в решимости султана не оставлять крымского вопроса, любой ценой вернуть татар и взять реванш за потерянные территории. Это могло означать только одно — новую войну, к которой турки активно готовились.

Несмотря на сильное противодействие, Репнину удалось выиграть тот нелегкий раунд. В январе 1776 г. турецкая сторона ратифицировала мирный договор, после чего последовала череда званных обедов и ужинов, где российского посланника принимали как самого дорогого и почетного гостя, одаривали подарками и подавали блюда на роскошных золотых сервизах, густо усыпанных алмазами. Но Репнин настороженно отнесся к подобному гостеприимству. Он ясно понимал, что за всей видимой мишурой скрывается необратимое стремление турецкого руководства поквитаться с Россией. Тем не менее на пути к намеченной цели Репнин действовал продуманно и осторожно. Например, для пользы дела он «выложил 7318 пиастров к празднеству родин султаншиных, на иллюминацию и на убранство особых покоев». В Петербург ушла срочная депеша: «Нужно нам флот иметь готовый для Черного моря, и войска. Такими сильными мерами мы, может быть, Порту обуздаем»⁷. Ратифицировав договор, в апреле 1776 г. Репнин выехал из Перы.

Прибывший в Константинополь российский чрезвычайный посланник и полномочный министр Александр Стахивич Стахив лишь подтвердил выводы своего предшественника о недружественном поведении Оттоманской Порты и о подготовке ею будущих театров военных действий. Нарушая подписанные договоренности, турецкие чиновники задерживали русские торговые суда в Босфоре, не пропускали их в Чёрное море, а вдобавок султан приостановил выплаты контрибуционных денег. В депешах Панину Стахив с горечью констатировал: Рейс Эфенди на переговорах выказывает «пренебрежение и неуважение ко многим темам по текущим делам», проявляет упрямство и несговорчивость. Вместе с тем Стахив подметил интересные детали: «Судя о персонах, правящих политические дела, о визире, Реиз Эфенди и переводчике Порты, по их наружному сложению, натуральным склонностям и по образу жизни не имею повода обвинить их наклонностию к военным предприятиям. Они все трое лакомые и роскошные люди, и оба последние одаренные разумом, предпочитают прибыльные переговоры всяким военным прибыткам,

⁴ АВПРИ, ф. 89, оп. 8, 1775—1776 гг., д. 463, л. 1—2.

⁵ Н. В. Репнин — Екатерине II, 25 октября 1775 г. — Сборник императорского русского исторического общества, т. 15. СПб., 1875, с. 444.

⁶ Там же, с. 477.

⁷ АВПРИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 678, 1776—1777 год, л. 41; Сборник..., т. 15, с. 502.

а первый — спокойные и невинные забавы. Напротив того, Муфтия описывают мне свирепого и злого нрава, непримиримым нашим ненавистником»⁸.

Стахийев грамотно и профессионально приступил к работе: подыскал нужных людей, установил полезные связи, наладил каналы передачи информации. Сеть константинопольских осведомителей, созданная Стахийевым, работала отлажено и надежно; один турок, по его словам, даже «взялся помогать у самого султана, а другой в Диване». Поэтому для поддержания столь полезных контактов и на подобного рода расходы Стахийев просил Панина выделить из посольской казны специальную денежную сумму, на что получил высочайшее соизволение⁹.

Далее Стахийев обратил внимание руководства на важные переговоры, которые Порты проводила с Веной о возвращении султану земель в Молдавии, захваченных австрийцами в ходе Русско-турецкой войны: «Пограничная негоциация с Австрийским Двором еще не завершена, хотя оный, наконец, и соглашается на возвращение Порте пятидесяти трех деревень, захваченных в Молдавии, да не иначе, чтоб под Хотиным требуемая ему от Порты уступка лесу сполна учинена была»¹⁰. Турция стремительными темпами воссоздавала военный флот, поэтому строевой лес ценился почти на вес золота. Необходимо подчеркнуть, что переговоры Константинополя с Веной о возвращении в лоно Османских владений захваченных австрийцами земель начались сразу по завершении боевых действий между Россией и Турцией. Причем усиление Австрии путем захвата турецких территорий и бесцеремонной наживы за счет блестящих побед 1-й российской армии под командованием П. А. Румянцева не могло не беспокоить петербургский кабинет. Чтобы этого не допустить, Румянцев-Задунайский после завершения боевых действий, пребывая в 1775 г. «на Днепре в польском селе Ходорове», инструкцией от 13 мая поручил находившемуся в Константинополе российскому поверенному в делах полковнику Х. Петерсону осторожно подталкивать Порту к принятию решения о возвращении захваченных австрийцами земель военным путем. Понимая, что добровольно Вена территорий не отдаст, Румянцев составил для Петерсона план ведения диалога с Портой, с приложением особой инструкции. При этом выговаривал дипломату за неверные советы, которые тот давал туркам: никакой снисходительности к недавнему противнику допускать нельзя и в интересах России склонять Порту не на затяжные переговоры с Австрией, которые турки воспримут как признак слабости, а, наоборот, к решению вопроса силой оружия. Неуступчивость иногда более полезна, а снисхождение вредно — вот, по убеждению Румянцева, что следовало внушать туркам. Закончил он инструкцию конкретным наставлением: «Постарайтесь наипоспешнее, но через третьи руки внушить оное Министерству Порты и взять меры сему приличные к возвращению земель, у них отъемлемых австрийцами. Берегитесь, однако ж, вы представлять в сих делах каким-нибудь образом явно свое лицо, а производите их скрытным образом и чрез надежных конфиденентов, посредством коих вы можете до ушей министров в виде токмо собственных ваших мыслей препроводить»¹¹.

Однако, судя по дальнейшим событиям, Турция так и не решилась открыто побороться с Австрией за возвращение деревень в Молдавии, а предпочла военные приготовления против России. Причем в навязчивом стремлении подстраховаться турки в ходе этого процесса шли на крайние меры. Так, в очередной реляции Екатерине II от 28 июня 1776 г. Стахийев докладывал: «Пребывающий в Дарданелях вице консул Захарияс Разино прислал ко мне турецкую копию на итальянском и российском языках султанского указа, обнародованного 11 числа сего июня. Из оного усмотреть изволите, с каковою строгостию и жестокостию Порты запре-

⁸ АВПРИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 681, 1776 год, л. 8.

⁹ Там же, л. 28—29.

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, д. 618, л. 1—2.

щает своим подданным грекам, армянам и жидам служить на христианских судах, распространяя наказание за то до детей и до всего племени»¹².

Сложная обстановка в турецкой столице и в Крыму, усиление там антирусских настроений и начавшиеся татарские бунты, руководимые из Константинополя, лишь усугубляли шаткое положение Российской империи на юге, чему в значительной мере способствовало отсутствие у России линейного флота. На Чёрном море против турецких линейных кораблей Россия могла выставить только немореходные суда Азовской флотилии с малой осадкой, фактически непригодные к службе на черноморском театре по своим тактико-техническим характеристикам и слабому артиллерийскому вооружению. Но, несмотря на трудности, моряки Азовской флотилии совершали рискованные операции, держали оборону Крыма, препятствовали высадкам турецких десантов на побережье, совершали круглогодичные крейсерские операции. По сути, между Россией и Турцией началась жесткая и бескомпромиссная борьба за Крым, за влияние на татар и в целом за господство на море.

В наступившем 1777 г. партия войны в Диване одержала серьезный перевес над противниками конфронтации с Петербургом, и в целом над здравым смыслом. Январские реляции Стахиева не обнадеживали: в Константинополе целенаправленно, на всех уровнях — от военно-политической верхушки до идейно-религиозных апологетов — готовились к войне. Дипломат докладывал: «Стоящий в здешнем Адмиралтействе Оттоманский военный флот состоит из пятнадцати линейных кораблей, в котором числе три старых, а два еще в строении на стапеле, следовательно, десять в служивом состоянии. Из двенадцати больших и малых фрегатов, носящих от восемнадцати до тридцати пушек. В Арсенале денно и ночью работают и делают великие приготовления», а в дополнение к главным силам турки вооружили еще 120 галер и полугалер. «В два месяца весь флот будет в готовности, а в скором времени из Синопа придут сюда два новых восьмидесяти пушечных корабля и два из Мармары». Особенно Стахиева впечатлила сцена прибытия в Константинополь кораблей, с которых турки сгрузили баулы с деньгами, а всего, по подсчетам Стахиева, было привезено «1 700 мешков»¹³.

Более того, в российской миссии располагали важной информацией, полученной кулуарно от иностранных послов, в частности от английского: «Бурбонские послы (французский и испанский дипломаты. — Г. Г.) постоянно ободряют» турок и настраивают их против России. Они убеждают султана в ее слабости, внушают мысли о ничтожном укреплении российских черноморских крепостей, в отсутствии у русских необходимых средств обороны, о войсках, готовых в любой момент взбунтоваться из-за якобы не выплаченного за несколько месяцев жалования. Вскоре о действиях французов Стахиев получил достоверное подтверждение из Парижа: российский посланник князь И.С. Барятинский шифрованным письмом от 8(19) февраля 1777 г. сообщил об отплытии из Тулона к берегам Турции 30-пушечного военного фрегата. На его борту находился известный специалист по фортификационным сооружениям барон Ф. де Тотт, а с ним опытные артиллерийские и инженерные офицеры: «Чрез несколько дней по всему Парижу разнеслось, что между нами и Портою разрыв вскоре последует, причем один мой сотоварищ показывал мне выписку письма из Константинополя: там публично размышляют о войне с Россиею. Порту к разрыву много побуждает Венский Двор и берет на себя обещание склонить Бурбонские Дворы, чтоб Российский флот более в Архипелаг

¹² Там же, д. 675, 1776 год, л. 93, 97.

¹³ Там же, д. 677, 1777 год, л. 8, 19—19об.

не пропускать. Для себя же Венский Двор за то требует, чтоб Порта уступила ему часть Молдавии и Валахии»¹⁴.

Ободренные поддержкой двух влиятельных монархических домов Европы, турки вплотную приступили к укреплению главных крепостей на Днестре — Хотина и Бендер, а на Дунае Измаила, по всем крупным провинциям и в самой столице начальники формировали янычарские полки. Информаторы Стахиева докладывали о состоявшемся совете у муфтия, где большинство сторонников жесткого диалога с Петербургом приняли итоговую резолюцию: «Никоим образом не уступать Российскому Двору в его требованиях оставить в силе татарскую независимость». Бряцание оружием недавнего противника вызывало обоснованное беспокойство в российской миссии, и Стахиев уже не сомневался в санкционировании султаном военной кампании («разрешительном на войну узаконении») ¹⁵. Неутешительный прогноз дипломата оправдывался: Высокая Порта, апеллируя к защите мусульманской веры и покровительству единоверцам, настаивала на отмене независимости крымских татар и прямо заявляла, что если Петербург действительно не желает войны между двумя империями, то должен уважить это требование.

Читая донесения Стахиева о бурной деятельности турок — о спуске на воду нового 74-пушечного корабля, об интенсивном литье орудий, о наращивании производства пороха, Екатерина II все более осознавала неизбежность новой войны, к которой надо готовиться. Большой заслугой Стахиева можно считать добытый им список состава турецкого флота ¹⁶. Из него видно, во-первых, несоизмеримость российских морских сил с турецкими, а во-вторых, серьезное осложнение положения России на Чёрном море. Но самое главное — становятся очевидными причины, которые удерживали Екатерину II от ввязывания в германо-австрийскую распря, неизбежно влекущую направление за пределы империи значительного контингента войск.

«Именной список линейных кораблей турецкого флота» свидетельствовал о восстановлении Турцией морских сил после катастрофических потерь в Чесменской бухте в июне 1770 г. Но туркам для борьбы с Россией казалось этого мало, и они обратились к венецианскому послу с просьбой предоставить в наем или продать им несколько кораблей «для употребления против [русских] на Чёрном море», но посол наотрез отказался ¹⁷. Противостоять турецким морским силам кабинет Екатерины II не мог: Черноморского флота еще не существовало ¹⁸, поэтому в Петербурге по-прежнему полагались на моряков Азовской флотилии, а на суше приняли меры обороны. 13 августа 1777 г. вице-канцлер И. А. Остерман уведомил А. С. Стахиева: в Малороссии П. А. Румянцев-Задунайский вновь принял командование армией и придвинул войска к турецкой границе. В Зимнем дворце надеялись, что «прибытие сего знаменитого военачальника на границы» произведет должное впечатление на Порту, побудит ее вспомнить претерпленное от Румянцева недавнее поражение и даст «повод к серьезному размышлению о ее предназначениях» ¹⁹.

Отношения с Османским государством стремительно ухудшались. Как и 10 лет назад, масла в огонь подливали австрийская и французская дипломатии, ободряя султана обещаниями поддержки — осенние депеши Стахиева пестрят подобными фактами. Так, в течение октября — ноября 1777 г. он непрерывно уведомлял руководство о «чинимых от Французского и Венского Дворов подкопах» против России, о том, что Константинополь и Вена «договорились тайно: Порта в случае войны

¹⁴ Там же, д. 733, 1777 год, л. 4—6.

¹⁵ Там же, д. 677, л. 27, 37об. — 38, 44.

¹⁶ Там же, л. 42—43, 50об, 194.

¹⁷ Там же, л. 27.

¹⁸ Подробнее об Азовской флотилии и о Черноморском флоте см. *Гребенщикова Г. А.* Черноморский флот в период правления Екатерины II, т. 1—2. СПб., 2012.

¹⁹ АВПРИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 678, 1777 год, л. 52.

твердо полагается на дружбу и подпору Венского Двора». Австрийцы пообещали туркам «не позволять нашим войскам в Молдавию вступить, и для того, переправив за Днестр знатный корпус своих войск, захватить в свои руки Каменец-Подольский и тем дать Порте свободные руки всю свою собственную силу обратить на защищение Черноморского берега от Очакова до здешней столицы». Это наиболее вероятно, заключал Стахив, потому что турки в том районе активно укреплялись. Австрийский представитель в Константинополе (интернунций) барон Тугут твердо заверил Диван в оказании продовольственной помощи Турции в случае открытия ею кампании против русских и гарантировал наполнить провиантом магазины в Молдавии, а французский посол обещал сделать все возможное, чтобы не допустить Пруссию выступить на стороне России²⁰.

Уверенность в скором начале русско-турецкой кампании выражали и в Берлине. Российский посланник при дворе Фридриха II князь В.С. Долгоруков информировал А. С. Стахива 26 сентября (7 октября) 1777 г.: «Из разговоров здесь, часто держанных, кажется, что война у нас с турками неминуема и что не столь Французский, как Венский Двор исподтишка возбуждает против нас турок, дабы во время войны попользоваться от них чем-нибудь, как то получилось в прошедшую войну. Турков деньгами склонить ко всему можно, и так неудивительно, если наши наружные приятели не пожалея оных, приведут Оттоманскую Порту нам войну объявить»²¹. Далеко не дружественную позицию Франции в отношении Петербурга в очередной раз подтвердили ее представители в Константинополе. Так, французский поверенный в делах Лебб цинично рассуждал о скорой войне между Османской и Российской империями, которую прогнозировал весной 1778 г. и даже не скрывал, что она начнется благодаря активному содействию со стороны его государства и Австрии²².

На фоне сложной и нестабильной обстановки на Чёрном море и в Турции, в центре Европы, в германских землях, разворачивались драматические события, связанные со смертью курфюрста Баварии герцога Максимилиана Иосифа, последовавшей осенью 1777 г. Согласно древнему наследственному праву, владения герцога переходили к курфюрсту Пфальцскому Карлу Теодору, и в случае безукоризненного следования букве закона под властью Карла Теодора сосредотачивалась значительная по размерам территория свыше 90 тыс. км² с населением около 2 млн человек. Однако мирное течение канонов древнегерманского наследственного права не замедлила нарушить Австрия, выдвинув претензии на юго-западную часть Баварских земель, граничивших с владениями Габсбургов.

Австрийский император Иосиф II при непосредственном участии матери-императрицы и венгеро-богемской королевы Марии Терезии начал упорный зондаж на предмет склонения курфюрста Пфальцкого к добровольной уступке части требуемых земель, причем тон диалога с этим курфюрстом со стороны императора принимал все более угрожающий характер. Иосиф II действовал по принципу «кнута и пряника»: вначале одарил Карла Теодора орденом Золотого Руна, а затем перешел к угрозам и готовился ввести войска в Нижнюю Баварию. В страхе перед австрийцами в уходящем 1777 г. Карл Теодор подписал с австрийским канцлером князем В.-А. Кауницем договор об уступке Австрии две трети земель в Баварии, приносивших около 2 млн талеров годового дохода²³. Причем названную конвенцию стороны заключили без участия герцога Цвейбрюкенского, который также имел законное право на часть баварского наследства.

²⁰ Там же, л. 108, 113—114.

²¹ Там же, д. 699, 1777 год, л. 12—13.

²² Там же, д. 728, 1777 год, л. 35об. — 36.

²³ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2. Трактаты с Австриею. СПб., 1875, с. 61.

Столь удачная сделка Вены с курфюрстом Пфальцским вызвала бурный резонанс в других землях Германии, но особенно в Саксонии и, конечно же, в Берлине. Прусский король негодовал, возмущался слабохарактерным поступком Карла Теодора и твердо решил воспрепятствовать территориальному приращению Габсбургов. Необходимо подчеркнуть, что важное событие середины XVIII в. — Семилетняя война — всколыхнула государства Европы и изменила соотношение сил держав. Прусский король Фридрих II благодаря удачному выходу из войны в связи с воцарением Петра III в России подтвердил свои права на Силезию и графство Глац, упрочив тем самым положение Пруссии среди германских государств. Австрия же, напротив, истощенная войной, была вытеснена из Силезии и Саксонии, поэтому Габсбурги поспешили воспользоваться благоприятным случаем.

Расширение австрийского влияния во внутренних пределах Германии неизбежно вело к усилению могущества Австрии, которого Фридрих II категорически не мог допустить, тем более что австрийцы уже получили Буковину. Король ясно осознавал, что после добровольной передачи герцогом Карлом части баварских владений австрийскому дому вступать в какие-либо переговоры с Веной будет бесполезно, и путь решения вопроса сведется исключительно к военной схватке с императором. Эти мысли Фридрих II часто излагал в переписке с братом, принцем Генрихом, и наиболее характерным можно считать письмо короля от 5 марта 1778 г.: «Ни один человек, находящейся в положении, подобном моему, не может и не должен безропотно наблюдать за усилением Австрии и тем самым делать ее более могущественной, чтобы потом она обернулась против нас. Поэтому моя главная задача состоит в твердом отстаивании равновесия сил в Германии. Ни в коем случае нельзя позволять императору усилиться настолько, что в дальнейшем мы будем уже не в состоянии оказать ему сопротивление»²⁴.

Знаком эпохи правления Фридриха Великого немецкий историк Курт Шёнинг отмечал: в той борьбе с Австрией король «ради сохранения целостности германских земель потратил миллионы талеров на военные издержки, не претендуя на приобретения и компенсационные выплаты». По удачному выражению Шёнинга, Фридрих «в одной руке держал меч, а в другой перо дипломата, и политические отношения имели непрерывное влияние на военные действия»²⁵. К высказыванию немецкого историка стоит добавить, что борьба за баварское наследство коренным образом отличалась от глобальных войн, которые вел Фридрих II ранее, поскольку то противоборство носило локальный характер.

Австро-германский конфликт не перерос в общеевропейскую войну, и основная заслуга в том принадлежала России. В Петербурге внимательно наблюдали за разгоравшимися наследственными перипетиями в Германии и не оставались равнодушными к возникшей там напряженности. Екатерина II, оценивая ситуацию не с сиюминутных, а со стратегических позиций, понимала неизбежность открытия военных действий между двумя сильными противниками, если их не сможет примирить третья авторитетная держава. Новый очаг войны в центре Европы мог привести к серьезному поражению прусского короля, ослабленному финансово за годы войны России с Турцией, поскольку Фридрих исправно выполнял обязательства по союзному договору с Екатериной II (*casus foederis* (договорной случай) от 1764 г.) и ежегодно платил денежные субсидии. Перед Австрией же, в случае разгрома ею пруссаков, маячила заманчивая перспектива объединения в наступательный союз с Турцией, что коренным образом противоречило оборонным и национальным интересам России.

Реальная опасность возникновения австро-турецкого альянса склоняла Екатерину II принять сторону прусского короля, а Вену увещевать мирно договариваться с Берлином, чему способствовало сближение России с Австрией после раздела

²⁴ Correspondenz des Königs Friedrich des Grossen mit dem Prinzen Heinrich. Berlin—Potsdam, 1854, S. 26.

²⁵ Шёнинг К. В., фон. Война за Баварское наследство. — Военный журнал, 1855, № 4, с. 77–78.

Польши. Более того, в июле 1774 г. Иосиф II в ходе переписки с Екатериной II даже предлагал — пока в общих контурах — наброски проекта австро-русского союза²⁶, а через год возвел Г. А. Потёмкина в достоинство князя Священной Римской империи. Более того, Венский кабинет вновь совершил неординарный поступок и в августе 1776 г., уважая просьбу Екатерины II, направил Турции строгую ноту о неукоснительном соблюдении статей Кючук-Кайнарджийского договора, подкрепив требование угрозой «пагубных последствий» для турок в случае их отказа²⁷. Екатерина II, в свою очередь, также оказала Австрии содействие в вопросе подписания пограничного соглашения с Польшей в феврале 1776 г., а через месяц между Россией и Австрией состоялся размен актами гарантий на приобретения в Польше, гарантировавшими с ней новые границы²⁸.

Несмотря на дипломатические усилия российского посланника в Вене князя Д. М. Голицына, направленные на выполнение высочайших поручений о склонении Иосифа II к миру, в новом 1778 г. австрийские войска стояли в полной готовности на границе с Германией в ожидании приказа императора о вступлении в Нижнюю Баварию. Обстановка накалялась ежедневно, в германских землях росло напряжение. Российский поверенный в делах в Дрездене Аким Лизакевич депешей от 2(13) января уведомлял Н. И. Панина: «Мне от верного источника внушено под самую великую тайнотию, что здесь весьма заботятся и опасаются могущих произойти худых следствий, если Венский Двор покусится заступить своими войсками Герцогство Баварское». Курфюрст Саксонский Фридрих Август III дал поручение своему представителю в Берлине графу Цинцендорфу просить Фридриха II «о защите и протекции в случае нападения Австрийского Дома»²⁹. Через неделю, 10(21) января 1778 г., Лизакевич передал руководству содержание разговора с французским послом в Саксонии. Лизакевич начал зондаж на предмет вооруженного посягательства Вены на баварское наследство и спросил посла, не вызывает ли подобное поведение австрийцев серьезных опасений в Версале? А если все-таки вызывает, то последует ли вмешательство его двора? Французский дипломат назвал действия императора «наглым предприятием»³⁰, но от прямого ответа на вопрос о вмешательстве уклонился, что дало Лизакевичу повод усомниться в готовности Франции вступить в спор, несмотря на гарантированный ею Вестфальский мир.

Российский дипломат не ошибся: во второй половине 1770-х годов французов более заботили удержание и захват колоний в жесткой борьбе с англичанами, чем ввязывание в омут отставания прав германских владетельных герцогов и маркграфов. Что касалось Иосифа II, то уверенный в поддержке Францией его интересов, он не видел особых препятствий в англо-французских колониальных конфликтах для выступления Людовика XVI на стороне Австрии. Причина ясна и понятна — Людовик женат на бывшей австрийской принцессе Марии Антуанетте, родной сестре Иосифа и дочери Марии Терезии. Но, как оказалось, в дележе Баварского наследства Людовик XVI не планировал помогать Вене и даже не думал о родственных связях, которые, по убеждению его августейшей венской родни, обязывают его стать подпорой для австрийцев. Во всяком случае, в этом уверен авторитетный историк А. Арнет, публиковавший документальные материалы, официально и личную переписку высшего руководства Вены и Версаля. Арнет пишет, что когда еще ранней весной 1777 г. Иосиф II совершал поездку в Париж, чтобы начать зондаж и, если удастся, заручиться поддержкой Франции в вопросе присоединения Баварии к Австрии, то встретил упорное сопротивление Людовика. Тем не менее

²⁶ Русский Архив, 1880, кн. 1, с. 211—212.

²⁷ *Нерсесов Г. А.* Указ. соч., с. 37.

²⁸ Сборник..., т. 145. СПб., 1914, с. 62—63.

²⁹ АВПРИ, ф. 84. Сношения России с Саксонией. 1778 год, оп. 2, д. 178, л. 2—3об.

³⁰ Там же, л. 24—28об.

австрийская дипломатия и лично Мария Антуанетта не оставляли попыток склонить короля на свою сторону, но всякий раз получали категорический отказ³¹.

Позицию официального Версаля в Баварских делах точно спрогнозировал российский посланник в Париже князь И. С. Барятинский. В письме Н. И. Панину от 4(15) февраля 1778 г.: «Версальский Двор стараться будет удержать нейтралитет», но если дело дойдет до такой степени, что придется делать выбор, то Людовик, не задумываясь, примкнет к Пруссии³².

Во второй половине января 1778 г. в Дрездене и Берлине уже достоверно знали о численности австрийского корпуса, вступившего в Баварию — свыше 10 тыс. человек, а в Верхний Палатинат дополнительно вошло еще 5 тыс. Мария Терезия собственноручно подписала текст декларации, обращенной к нации, с доказательствами «неоспоримого права Вены на всю часть Баварии от города Пасау до самого Тироля, и сие право она получила от императора Сигизмунда»³³. После выхода печатного экземпляра декларации, последовал обмен нотами между Веной и Берлином. 20 января 1778 г. Венский кабинет разослал аккредитованным иностранным послам циркуляр с уведомлением о достигнутом соглашении с курфюрстом Пфальцским в вопросе о баварском наследстве. В ответном заявлении прусский посол выразил гневный протест о незаконном вторжении австрийских войск в Баварию.

Судя по последовавшим затем депешам Лизакевича, его чрезвычайно поразила перемена в поведении представителя Австрии в Дрездене: после того, как австрийские войска вторглись в германские земли, австрийский представитель стал вести себя надменно и вызывающе, «начал более поднимать голову» и допытываться, нет ли у Лизакевича каких-либо известий «о настоящем положении дел с Портою Оттоманскою». Лизакевич с подобающим достоинством отвечал: «Порта, изведав в прошлую войну опытом, сколь она не в состоянии противоборствовать нашим силам и не излечив еще последних ран, не захочет легкомысленно начать новую войну, будучи не в состоянии оную с выгодой для себя производить. А ежели сумасбродно, как то обыкновенно в Константинополе делается, оную заведет, то получит такой удар, который может потрясти даже до основания всю империю». Ответ российского дипломата отрезвляюще подействовал на его венского коллегу: прекратив дальнейшие расспросы, он через несколько секунд уже «старался составить похвальную речь для нашей Империи»³⁴.

Антироссийские действия Вены в турецкой столице подтверждало и прусское посольство. На основании реляций своего представителя Фридрих II ставил князя В. С. Долгорукова в известность: он «доподлинно знает, что Венский Двор всячески старается склонить Оттоманскую Порту к тому, чтобы она нарушила мир» с Россией. Тем самым Австрия преследовала цель отвлечь Екатерину II от вероятного участия в делах баварского наследства, однако прусский король твердо заверил Долгорукова в оказании всяческого содействия императрице в сохранении мира с турками и что он уже направил соответствующие поручения в Константинополь³⁵.

Зимой 1778 г. Франция сделала окончательный внешнеполитический выбор. По свидетельству французского историка Флассана, уже 2 февраля 1778 г. королевский совет утвердил проект графа Вержена о позиции Версальского кабинета в австро-германском споре; основные параграфы этого документа гласили: 1. На данном этапе Франция будет избегать прямого участия в военном конфликте сторон по причине нависшей угрозы войны с Англией. 2. Вероятную войну между Австрией и Пруссией Франция не может признать за *casus foederis* и выполнять обязательства по союзному договору от 1756 г. 3. Исходя из параграфа 2, король

³¹ Arneht A. Maria Antoinette. Correspondence secreté entre Maria Therese et le comte de Mercy' Argenteau avec les letters de Maria Therese et de Maria Antoinette, v. III. Paris, 1874, p. 152.

³² АВПРИ, ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 93/6, 1778 год, л. 333, л. 42.

³³ Там же, ф. 84, оп. 2, д. 178, л. 33, 43.

³⁴ Там же, л. 37об. — 38.

³⁵ Там же, ф. 74. Сношения России с Пруссией, оп. 74/2, 1778 год, л. 258, л. 6—6об.

Людовик XVI отказывает Австрии в военной помощи и не может нарушить существующие доверительные отношения с королем Пруссии³⁶.

В марте 1778 г. император Иосиф II прибыл в Богемию, чтобы принять и инспектировать сформированный там корпус войск, численность которого предполагал довести до уровня армейского — примерно до 80 тыс. человек за счет ожидавшегося прибытия полков из Венгрии и Трансильвании. Император планировал расположить войска фронтом от Праги до Летмерица, где приказал разрушить недавно построенный мост через Эльбу, а вместо него соорудить деревянный подъемный мост, чтобы при приближении неприятеля такой мост можно было легче и быстрее уничтожить. В начальных числах апреля значительные силы Иосиф II сконцентрировал в Богемии в районе крепости Кёниграц.

Не бездействовал и Фридрих II. Численность берлинского гарнизона он довел до 22 тыс. человек и отдал приказ о формировании отдельного корпуса в Шлезии, на соединение с которым предполагал двинуть гарнизоны из Потсдама и Магдебурга, а также полки из Померании. Операционный план короля сводился к сосредоточению главных сил в Силезии, откуда потом двинуть их в Моравию и тем самым выманить австрийскую армию с правого берега Эльбы. По настоянию Фридриха, меры обороны принимали и саксонцы: из арсенала в городские казематы привозили порох и ядра, в окрестностях Дрездена и в близлежащих деревнях размещали роты солдат, а курфюрст Саксонии повелел «духовенству объявить на кафедрах, дабы каждый приносил от теплого сердца молитвы Всевышнему о благополучии и благоденствии сей земли». Главная задача саксонских войск, «собранных под пушками Дрездена», состояла в оказании поддержки войскам прусского короля, а в случае его неудачной баталии не допустить вторжения австрийских войск в Саксонию и далее в Бранденбург³⁷. Противоборство росло угрожающе быстро, и, как верно подметил А. С. Трачевский, «никогда еще ненависть между соперниками не достигала таких размеров. Князь Кауниц раздраженно повторял: “Императорский Двор не может терпеть Двора Прусского. Чтобы нам господствовать, нужно его раздавить”»³⁸.

Екатерина II, тем временем, находилась на перепутье принятия решения. Она размышляла: с одной стороны, последствия от вспыхнувшей искры австро-германских трений могут оказаться самыми серьезными и повлечь возгорание очага войны. Но с другой стороны, нельзя ослаблять южных рубежей, поскольку в случае вмешательства в дела Европы России придется изымать значительные войска от границ с Турцией. В начале 1778 г. Порта выступила с резкими заявлениями о незаконных действиях российского императорского двора в отношении татар Крыма. Трем западным дипломатам — английскому, австрийскому и французскому — турецкий министр иностранных дел Рейс Эфенди циркуляром направил записку с разъяснением, по какой причине «Россия выводит Порту из терпеливости». В тексте говорилось: Турция имеет духовное право влиять на татар, которые сами, без постороннего вмешательства, должны избирать себе хана «из поколения Чингизского», а во время молитв произносить имя султана и чеканить его на своих монетах³⁹.

В той ситуации Стахив обоснованно резюмировал: «Порта и не думала никогда с нами мир утвердить по Кайнарджийскому трактату, почитая оный себе несносным», а неудачи в крымских делах «вынудили султана разгневаться на муфтия и на верховного визиря с прочими министрами». Как узнал Стахив, в Адмиралтействе подготовили к отплытию четыре большие галеры, которые «обыкновенно употребляются для отвозу людей в ссылку», поэтому в скором времени следует ожидать

³⁶ Полный текст см. *Flassan de. Histoire Generale et Raisonnee de la Diplomatic Française*, v. VII. Paris, 1811, p. 188—195.

³⁷ АВПРИ, ф. 84, оп. 2, д. 179, л. 1—2об., 36об. — 37, 39 — 39об., 41—41об.

³⁸ *Трачевский А. С.* Указ. соч., с. 32.

³⁹ АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, 1778 год, д. 517, л. 1, 3, 80—81.

перемен в турецком министерстве⁴⁰. Среди военных чинов началась настоящая паника после того, как паша Синопа приказал повесить двух капитанов кораблей, самовольно вернувшихся в порт от берегов Крыма. Большой совет Высокой Порты, проходивший с участием высшего духовенства и муфтия, принял решение оказать военную помощь татарам, восставшим против хана Шагин-Гирея — ставленника Екатерины II. Также совет постановил выслать весной в Чёрное море сильный флот — от 36 военных судов, а в Крым направить экспедиционный корпус от 8 до 15 тыс. человек. Для подвластных архипелагских греков с островов Кандия, Идро и Негропонт султан издал особый хатт-и-шериф с приказом идти служить матросами на флот. «Мой надежный канал», докладывал Стахийев, информировал: таким грекам капудан-паша выдал наперед жалование, часть которого поступила от визиря из его личных резервных запасов; на каждые пять кораблей выдали «по сто мешков денег»⁴¹.

Нависшую над двумя империями угрозу войны подтверждал и британский посланник в Петербурге Джеймс Гаррис. Сопоставив переписку со своими коллегами в Европе и в Константинополе и наблюдая обстановку при дворе Екатерины II, Гаррис пришел к выводу, которым поделился с послом в Вене в письме от 27 февраля 1778 г. М. Кейтом: «Война между Россией и Портой, кажется, неизбежна. Из того, что мне удалось слышать, я заключил, что они скорее приписывают это проискам Венского Двора, чем Франции»⁴². И в то же самое время прусский король забрасывал Екатерину II жалобами на Австрию, у которой, по словам Фридриха, «нет ни права, ни справедливости, ни правосудия», а ее действия «порицаются законами феодальными и имперскими»⁴³. Король напоминал своей бывшей союзнице о собственном честном выполнении обязательств по союзному договору в годы войны с турками, о пролонгации этого договора в 1769 г. и просил помощи вспомогательным корпусом войск. Подобная просьба противоречила неизменному политическому и царственному кредо Екатерины II: ни одного приказа войскам воевать на чужой территории за расплывчатый европейский интерес, и кровь русского солдата не должна проливаться не за свое отечество. Но в данном случае разгоравшийся в центре Европы конфликт мог привести к тяжелым последствиям, которые напрямую могли коснуться и России, поэтому императрице пришлось поторопиться с ответом прусскому королю.

Тем временем Стахийев слал в Зимний дворец одну депешу за другой: положение крайне осложняется, Порта уже «израсходовала на военные нужды 10 миллионов левков, а покрывать надеется, взыскивая с христиан и других иноплеменников». В российском посольстве стало точно известно: султан Абдул Гамид высылает в море 11 линейных кораблей и большие галеры. На все суда будет посажен 45-тысячный десант для высадки в Крыму, а капудан-паша имеет наготове фирман султана с объявлением России войны в случае несговорчивости русских по татарам⁴⁴. В напряженные весеннее-летние месяцы оборону Крыма и Керченского пролива держали Крымский и Кубанский корпуса при поддержке сил Азовской флотилии. Когда мир висел на волоске, Стахийев проделал колоссальную работу по предотвращению войны: проводил многочасовые изнурительные конференции с Рейс Эфенди, убеждал его и других влиятельных лиц Порты в бессмысленности нового кровопролития. Две важные составляющие российской государственности — вооруженные силы и дипломатия — обеспечили спад накала обстановки на Чёрном

⁴⁰ Там же, л. 37, 53.

⁴¹ Там же, ф. 90, оп. 90/1, д. 519, л. 45—46, 47об.

⁴² *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury, Containing an Account of His Missions at the Court of Madrid, to Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of His Special Missions to Berlin, Brunswick and the French Republic, v. I.* London, 1845, p. 152—153.

⁴³ Цит. по: *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Пруссия при Екатерине II. — Вестник Европы, 1882, т. 3, с. 249.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 521, л. 15—16об.

море и позволили Екатерине II вплотную приступить к миротворческой миссии в Германии, о чем неоднократно просил ее Фридрих. Более того, судя по высказываниям Арнета, воинственный пыл Марии Терезии уже поостыл, желание вооруженным путем решать вопрос с наследством постепенно ослабевало, и она вступила в двойную переписку — с прусским королем и с Екатериной II. Но при этом в письмах Екатерине Мария Терезия оправдывала территориальные притязания Австрии и считала их справедливыми и законными. Когда императрица-королева получила обнадеживающий ответ из Петербурга о помощи в урегулировании конфликта, то радостно оповестила сына: «Россия откликнулась, и все известия оттуда дают надежду и побуждают думать, что она вмешается»⁴⁵. Прочитав это письмо, Иосиф II одной строкой уведомил князя Кауница 5 октября 1778 г.: «Мнение России наиболее будет способствовать улаживанию дела»⁴⁶.

Тем не менее осенью 1778 г. главные соперники не сложили оружия, а наоборот — продолжали наращивать силы. Особенное рвение в стремлении помочь императору проявляло венгерское дворянство, о чем в сентябрьских репортажах докладывал посланник в Вене князь Д. М. Голицын. По его сведениям, магнаты брались «предоставить Императрице Королеве от шести до семи тысяч выборной конницы, а от городов и Комитетов венгерских собрано будет двенадцать тысяч пехоты для отсылки в армию». Однако военные приготовления не прошли для Иосифа II бесследно. Голицын узнал, что император «от великих беспокойств и непрестанного движения не токмо в лице, но и во всем теле немалое получил истощение, но при всем том весьма бодрственным духом сносит труды и беспокойства»⁴⁷. Мария Терезия всерьез опасалась за здоровье сына и, судя по всему, именно это обстоятельство побудило ее подумать о скорейшем завершении спора и вступить в переписку с Екатериной II.

В октябре Екатерина II выдала генерал-аншефу князю Н.В. Репнину полномочную грамоту на ведение переговоров об урегулировании вопроса о баварском наследстве между Австрией и Пруссией мирным путем. Репнин получил указание выехать в Берлин на встречу с Фридрихом II, а в дальнейшем предполагалось по согласованию с Австрией и с Францией определить место проведения конгресса. На тексте полученного Репниным рескрипта сделана запись: «Опробован Ея Императорским Величеством 19го октября 1778 года», а внизу стоит помета: «22 октября. Подписано тако: Екатерина. Контрасигнирована: граф Никита Панин. Граф Иван Остерман»⁴⁸.

Начинался рескрипт весьма впечатляюще: «Австрийский дом присвоил себе и захватил знатную часть [Баварского] наследства. А курфюрст Пфалицкой, коему по точной силе и словам Вестфальского мира единым наследником всех Баварских земель быть надлежит, устращась приставленного ему ножа, предпочел лучше быть сонаследником австрийской хищности, нежели подвергнуть себя исполнению тех насильственных мер, кои со стороны Венского Двора действительно заготовлены были». Последовавшее вскоре «обложение австрийскими войсками знатной и лучшей части Баварских земель» послужило в Германии «сигналом тревоги и беспокойства» от перспективы лишения законных наследников полагающейся им части, поэтому «обиженные Княжеские Дома прибегли» к помощи России и Пруссии.

Екатерина II разясняла Репнину его главную функцию на предстоявших переговорах: возникшие споры стараться уладить «дружелюбным соглашением без нарушения общего покоя, чтобы разные из наследства Баварского родившиеся требования по справедливости разобраны и удовлетворены были»⁴⁹. Для этого Репнину следовало приложить усилия, чтобы не ввергнуть Россию «в неприятную необходи-

⁴⁵ *Arneth A. Maria Theresia und Joseph II, Bd. III. Wien, 1867—1868, S. 129, 142.*

⁴⁶ *Ibid., S. 142.*

⁴⁷ АВПРИ, ф. 32. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 597, 1778 год, л. 54—55, 60—61.

⁴⁸ Там же, ф. 91. Тешенский конгресс, оп. 91/2, д. 1, л. 4—6.

⁴⁹ Полный текст рескрипта Екатерины II князю Н. В. Репнину см.: Там же, л. 6—30.

мость» вступить в войну. «По уважениям собственного Империи Нашей главного интереса, когда России не меньше всякой другой европейской державы нужно, дабы посреди Германии ненарушимо сохранялось и разделялось навсегда между Дворами Венским и Берлинским настоящее равновесие сил». Репнину поручалась эта ответственная миссия.

Назвав Фридриха II своим союзником, Екатерина II дала оценку позиций противоборствующих сторон: «Нельзя не отдать королю Прусскому справедливости, что он пред поднятием оружия истощил все средства умеренности и миролюбия. Не он, а хищность и упрямство Венского Двора причинствовали войне. Правда, министр австрийский князь Кауниц, коего честолюбие есть всему злу виною, старался дать вещам другой вид. Дело Прусского короля почитаем правым, ибо войну начал он единственно в охранение Германской Конституции. Вся ненависть кровопролития не на него, а на Венский Двор упадать долженствует». Вена должна вернуть земли в Баварии законному наследнику и принести «удовлетворение за насильственный поступок, коим общий мир столь нагло потрясен и нарушен». А Франции как державе — поручительнице за Вестфальский трактат следует выступить вместе с Россией «в пользу Пфальцской линии».

Далее императрица акцентировала внимание Репнина на том, что из-за нестабильности на юге Россия вынуждена держать значительные силы в постоянной боевой готовности против Турции. По этой причине главной обязанностью Екатерины II становилось разумное распределение войск на будущих театрах военных действий — так, чтобы в случае военного вмешательства в австро-германские разногласия двинуть часть войск туда, «где наша диверсия против австрийцев больше пользы принести может». Исходя из стратегических задач, императрица изложила Репнину последовательность его тактических действий. «1. Составить близ Полоны знатный корпус войск и снабдить его артиллерией», а при неудачной попытке примирения сторон прямо из Берлина выехать к Полоне и принять этот корпус под свое командование. «2. Расположить на зиму войска под командованием генерал-поручика Романиуса поблизости Люблина к стороне Галиции и Лодомерии». Первый корпус Репнина назначался в помощь прусскому королю, второй, генерал-поручика Романиуса, определялся в качестве резервного; большего количества войск Екатерина II выделить не могла. Если турки воспользуются германским конфликтом и выступят против России, а затем перейдут за Днестр, то выгодная дислокация двух русских корпусов позволит им «зайти туркам прямо из Галиции в тыл, истребить их пропитание и поставить их самих между двух огней. А тем и самой войне сделать вдруг скорый и славный конец».

На случай открытия кампании Екатерина II предоставляла Репнину полную свободу действий — «как генералу искусному и положение мест знающему», но при взаимодействии с прусским королем просила выполнить ее условие как непременное (*sine qua non*): «Чтоб одновременно с вашим вступлением в принадлежащие Австрийскому Дому польские земли со стороны Львова, благоволил Его Величество ввести в оные же со стороны Силезии равночисленный корпус своих войск». После этого русско-прусским войскам совместными силами следовало действовать в Моравии как в том «пункте, где Венскому Двору поблизости его резиденции чувствительнейшие удары могут нанесены быть».

В качестве второго обязательного условия (*sine qua non*) Екатерина II требовала сохранения мирных отношений с Австрией. Репнину предписывалось: во что бы то ни стало стараться не доводить до разрыва с Венским Двором, чтобы «не вовлечь его войска в Польшу и не зажечь там повсеместного огня»: «В настоящем положении дел всячески должны мы помышлять и пешись о сохранении в Польше тишины и покоя, дабы армии наши, против турков ополчающиеся, не могли быть тревожены и обеспокоеваными в тылу и с флангов». Императрица закончила рескрипт словами: «От искусства вашего в военном ремесле, сопровождаемого усердием к

Нам и любовью к Отечеству, несомненно ожидаем, что вы славу оружия Нашего не токмо сохраните, но и более еще утвердите».

Соответствующие инструкции получил посланник в Вене князь Д. М. Голицын: ему поручалось убедить императрицу-королеву и Иосифа II прекратить вооружения и сесть за стол переговоров. В начале декабря 1778 г. в Зимний дворец прибыли курьеры из Вены и Парижа с известиями о согласии Франции на посредничество между двумя державами и о проведенных переговорах Д. М. Голицына с австрийским руководством. Но, несмотря на прилагавшиеся усилия, в конце ноября 1778 г. произошло боевое столкновение австрийских и прусских войск при Егерндорфе, после чего Иосиф II объявил в империи новый рекрутский набор, по которому в армию призывалось от 8 до 9 тыс. человек, и ввел новые налоги. Князь Д. М. Голицын шифрованной депешей от 5(16) декабря 1778 г. сообщал: «Здесьный Двор на случай, есть ли бы нынешнею зимою не мог восстановиться мир, которого он не меньше, как и публика, желает, принимает запасные меры к продолжению войны. Одни простираются к тому, чтобы запастись пятьюдесятью миллионами гульденов, кои по большей части надеется собрать посредством займов в Голландии, а другие клонятся к знатному обеим армиям умножению. Оное от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек простираться будет. Венгерские Штаты обязываются набрать в Венгрии двадцать четыре тысячи человек сверх тех людей, кои уже от тамошнего дворянства и от разных городов на собственном их коште собраны и в армию отправлены»⁵⁰.

В ночь с 6 на 7 декабря 1778 г. Николай Васильевич Репнин прибыл в Бреславль, где в то время находилась ставка прусского короля. Последняя встреча Репнина с Фридрихом II состоялась в сентябре 1762 г., когда еще продолжалась Семилетняя кампания, и Репнин вручал королю верительные грамоты вступившей на престол Екатерины II с приложенной декларацией о намерении прекратить разорительную войну. Теперь, после 16-летнего перерыва, они встретились, чтобы обсудить план предстоящих действий, включая и «на случай упрямства Вены». 15 декабря 1778 г. Репнин отчитался Панину: в Бреславль прибыл французский курьер, который «привез план примирения, сделанный Версальским Двором. Предлагается, чтобы уступил курфюрст Пфальцский Венскому Двору часть Баварии, лежащей между течениями рек Дуная, Инна и Сальцы»⁵¹.

Через две недели состоялась вторая встреча Репнина с королем. В ходе длительной аудиенции Фридрих II неоднократно высказывал опасения по поводу того, что прусско-российских войск, вместе взятых, окажется недостаточно для борьбы с австрийцами, которые могут выставить значительно превосходящие силы. «Не имея в войне никакой знатной поверхности над венцами, не можно им предписывать законы», говорил король, но и нельзя допустить, «чтобы Венского Двора самовластие умножалось в Германской империи»⁵². Затем Фридрих II перевел разговор на французов. По его наблюдениям, они ведут двойную игру: с одной стороны, делают вид, что ищут пути к примирению держав, а с другой — Людовик XVI «еще ни в чем не открывается и только твердит о соблюдении достоинства Венского Двора». В итоге он заключил: Франции выгодно, чтобы «некоторая часть баварского наследства была Венскому Двору оставлена», поскольку Версаль более опасается прусской «инфлюенции в Германии, чем венской», и дальнейшего усиления прусского короля⁵³.

В конце аудиенции Фридрих не преминул напомнить Репнину о добросовестном выполнении союзных обязательств в прошедшей войне 1768—1774 гг., когда на нужды России он потратил 17 млн талеров, а теперь надеялся на ответные действия императрицы.

⁵⁰ Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 597, л. 83—86об.

⁵¹ Там же, ф. 91, оп. 91/2, д. 2, л. 10, 27.

⁵² Там же, л. 36—36об.

⁵³ Там же, л. 37—37об.

В начале 1779 г. главная армия прусского короля, дислоцированная в Силезии, значительно увеличилась. В ответ на это известие австрийцы стянули войска в Моравию и, по сведениям Голицына, их численность должна возрасти до 114 тыс. человек, не считая 20-тысячной венгерской конницы и пехоты⁵⁴. Реляции Голицына о военных приготовлениях Австрии дополнял посланник в Дрездене Лизакевич 4(15) января 1779 г.: «Повелено с превеликою прилежностью заводить магазейны, а как Богемия не в состоянии поставить достаточное число хлеба, сена и овса, будучи изнурена собственною армиею, то ныне закупает в Баварии в Верхнем Палатинате»⁵⁵. А в самой Саксонии упорно циркулировали слухи об ухудшении состояния здоровья прусского короля до такой степени, что он не доживет и до лета, и в Вене, узнав об этом, поспешили воспользоваться ситуацией. В надежде на скорую смерть Фридриха II австрийцы принялись затягивать переговоры об избрании места проведения будущего конгресса, чтобы потом с новыми силами продолжить борьбу. В Петербурге ясно осознавали, что необходимо «понудить Венский Двор» к мирному решению вопроса о Баварском наследстве.

Депешей от 25 января (5 февраля) 1779 г. Лизакевич уведомил руководство о позитивных политических шагах, предпринятых Берлином на пути к миру, и о неприятии австрийцами проекта предложенного договора. Посланник подчеркивал: «Император совсем не намерен заключать мира, но желает напротив того, изведать еще будущую кампанию прусских сил»⁵⁶. Репнин, по-прежнему пребывая в Бреславле, коротко уведомил Панина 31 января (10 февраля) 1779 г. о своем намерении более жестко поступать с обоими несговорчивыми монархами, и «как Венский Двор припереть к стене, так и иметь верность против короля» действовать⁵⁷. Повод поторопиться с урегулированием немецких разногласий имелся весомый, и времени на выжидание не оставалось. Репнин получил письмо от Румянцева-Задунайского с неутешительными новостями об активных вооружениях турок, которые «ополчают флот и сухопутные войска к выступлению в поход за Дунай на нынешнюю весну. Начинаю я подозревать, не ищет ли Венский Двор выиграть время, чтобы при удержании действ огненного оружия употреблять потаенное на подстрекание против нас турков, и по известному их буйству завести их в новую с нами войну»⁵⁸.

Действительно, обстановка в турецкой столице вызывала в Петербурге обостренное беспокойство. Стахийев докладывал об упрямстве и несговорчивости турецкого представителя Абдул-Резака на переговорах по татарским делам, а «злонамеренная партия старается, чтоб Россия как еще туже заплетена была» в начатый конфликт между Австрией и Пруссией. Продолжение противостояния в Германии выгодно этой партии, чтобы собраться с силами и выступить против России, «вплетенной в германский узел». Миротлюбивая же партия «за недостатком смелого и проворного предводителя не старается об отвращении того предупредительным истреблением капитан паши и Реиз Эфендия, кои в случае твердого с нашей стороны ответа не преминут Абдул Резаку первому голову сломить»⁵⁹.

Наконец, Иосиф II и Мария Терезия согласились на переговоры и на избрание местом будущего конгресса города Тешен (в австрийской части Силезии), где проживала герцогиня Тешенская, дочь Марии Терезии. Своим представителем на конгресс Иосиф II назначил графа Филиппа Кобенцеля, а Мария Терезия подписала паспорт князю Репнину для проезда из Бреславля в Тешен через австрийские владения. Обе стороны все более желали прекратить бряцать оружием: прусский король приостановил движение по всем заключенным военным подрядам, прекратил закупки лошадей, починку телег, обновление обозов и отозвал сторожевые

⁵⁴ Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 610, л. 2—3.

⁵⁵ Там же, ф. 84, оп. 2, 1779 год, д. 188, л. 2об.

⁵⁶ Там же, л. 57—58.

⁵⁷ Сборник..., т. 65. СПб., 1888, с. 225.

⁵⁸ Там же, с. 471.

⁵⁹ АВПРИ, ф. 90. Константинопольская миссия, оп. 90/1, 1779 год, д. 698, л. 248—249об.

посты, стоявшие на границе с Богемией. А о мерах со стороны австрийцев информировал руководство Голицын 13(24) февраля 1779 г.: «Отправлены от здешнего правительства в разные места штафеты, дабы до новых указов остановить не токмо полки, которым надлежало следовать к границам, но и перевоз всяких припасов, и другие разные военные приготовления»⁶⁰.

Однако произошло непредвиденное. Когда все представители — австрийский, саксонский, прусский, французский, русский, — курфюрсты Пфальцский и Цвейбрюкенский уже прибыли в Тешен и готовились к открытию конгресса, Фридрих II неожиданно отдал приказ генералу Вуншу с 15-тысячным корпусом вступить в город Браунау в Богемии, а в район Магдебурга направил тяжелую артиллерию, часть пехоты и конницу. Соответственно, Австрия возобновила в Праге приостановленные военные приготовления и двинула полки в Моравию. Казалось, противостояние держав вновь обострилось, что не могло не тревожить российское руководство по причине близкой войны с Турцией.

Но дипломатические усилия Стахиева не прошли бесследно. 10(21) марта 1779 г. во дворце Айналы-Кавак он подписал с представителем Турции Абдул-Резаком Изяснительную конвенцию о соблюдении и не нарушении Кючук-Кайнарджийского трактата. По сути, этот документ стал политическим компромиссом. Россия обязалась вывести войска из Крыма и пойти на уступки в вопросе изъявления покорности крымских ханов турецкому султану как своему верховному калифу, а Турция давала гарантии не вмешиваться в жизнь татар и их хана, оставаясь лишь духовным лидером и главой всех мусульман⁶¹. Фактически, Стахиев совершил дипломатический подвиг, отодвинув войну с Турцией на восемь лет. После размена сторонами ратификационных грамот, Екатерина II, помимо дорогих подарков турецким чиновникам, прислала новорожденному сыну султана «драгоценный эфрет и черный лисий мех ценою до пятнадцати тысяч рублей»⁶².

10 марта 1779 г. конгресс в Тешене начал свою работу. В Тешен съехались представители ведущих держав — России, Франции, Австрии, Пруссии, делегаты Саксонии, Пфальц-Баварии и Цвейбрюкена. Пруссию представлял посланник Фридриха II барон Ридезель, монархию Габсбургов — граф И.-Ф. Кобенцель, французский король Людовик XVI направил в Тешен барона Л.-А. Бретеля, известного петербургскому двору по памятному 1762 г. В тот год известие о восшествии на престол новой императрицы Екатерины II застало Бретеля в Варшаве по пути в Стокгольм, однако он даже не подумал вернуться обратно в Петербург, за что получил строгие выговоры от главы французского МИД герцога Ф. Шуазеля и главы секретного кабинета короля графа де Брольи. Последний упрекал Бретеля за то, что он, зная от самой великой княгини о готовившейся «интересной революции», даже не удосужился остаться там и дожидаться ее результатов⁶³.

В Тешене Репнин, еще не получив известия о подписанной Стахиевым декларации, действовал продуманно и энергично, поскольку хорошо понимал, что времени на согласования с Петербургом у него нет, а принимать решения надо быстро и самостоятельно. Для того, чтобы сломить упрямство Пруссии, Репнин без лишнего церемоний пригрозил Фридриху: если он не будет податлив и не проявит политической гибкости, то пусть пеняет на себя. Репнин предупреждал короля: по полученным от Румянцева известиям, турецкая армия уже находится на марше от Дуная к Днестру, что дает повод думать о неминуемой войне России с Турцией. Поэтому скоро императрице будет не до защиты интересов Пруссии, а только собственных ее подданных. Напористое заявление Репнина «произвело чувствитель-

⁶⁰ Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 610, л. 17—18.

⁶¹ Полное собрание законов Российской империи, т. XX. СПб., 1830, № 14851.

⁶² АВПРИ, ф. 90, оп. 90/1, 1779 год, д. 698, л. 254.

⁶³ *Recueil des Instructions Données Aux Ambassadeurs et Ministres de France. Russie. T. II (1749—1789)*. Paris, 1890, p. 196.

ную импрессию на Его Величество», и через некоторое время он ретировался⁶⁴. А пока шла переписка с Фридрихом II, Репнин подтвердил Панину свою главную задачу на конгрессе: «Наш главнейший интерес, наша слава и достоинство требуют, чтоб скорее дела окончить, дабы желаемым решением утвердилась инфлюенция нашего Двора в Германии»⁶⁵. Репнин не случайно акцентировал внимание на инфлюенции России в Германии, так как в противном случае роль первой скрипки на Тешенском конгрессе взяла бы на себя Франция, а ее представитель барон Бретель являлся довольно сильным соперником.

На конгрессе сразу же начался торг по вопросам оценки стоимости тех земель, которые предполагалось отдать Саксонии, и, соответственно, дискуссия по условиям конвенции между Саксонией и Пфальцем. В этих вопросах Репнину довольно быстро, в первый же день работы конгресса, удалось договориться с бароном Бретелем и сделать устное совместное заявление пфальцскому и саксонскому делегатам, чтобы они убедили своих курфюрстов принять требование на оценку аллодиальных претензий Саксонии в размере 4 млн талеров. На половину этой суммы курфюрст Пфальцкий передаст Саксонии земли графств Миндельгейм и Визенштейг и откажется от прав на графство Шомбург в Саксонии. Вторая половина оговоренной суммы будет выплачена наличными деньгами в течение 11 лет⁶⁶.

Условия этой сделки вызвали недовольство и возражения Фридриха II. Король считал, что предназначенные Саксонии земли стоят значительно меньше 4 млн (как он говорил — они не стоят и одного), поэтому курфюрст Пфальцкий должен уплатить Саксонскому сумму в размере около 3 млн талеров и в срок меньший, чем 11 лет. Торг вокруг земель обростал яростными спорами. Конгресс затягивался, прусский король упорствовал, и Репнин совсем было отчаялся завершить Баварское дело. Наконец, оба посредника — Репнин и Бретель — нашли выход из трудного положения в виде компромисса: предложить Саксонскому курфюрсту Фридриху Августу III выплатить все 4 млн не деньгами, а землями⁶⁷, и если Карл Теодор согласится принять такое условие, то конгресс можно считать завершённым. Австрия в этом вопросе особой напористости не проявляла: Иосифа II устраивали оба варианта.

Ответ из Берлина ожидали долго, и вялотекущая позиция короля лишь усиливала раздражение Репнина, о чем он поведал в письме Панину, сказав о Фридрихе: «пихаю его к решительным поступкам», а затем пожаловался на «ежедневные хлопоты, заботы и затруднения»⁶⁸. В Дрездене же, со своей стороны, большую работу проделал Лизакевич, убедив курфюрста Фридриха Августа III принять предложение Репнина. Лизакевич подкрепил убеждение сильным аргументом: в случае согласия курфюрста на сделку у России будет возможность более энергичнее защищать интересы Саксонии⁶⁹.

Наконец, после получения согласия от всех сторон у посредников появилась реальная надежда на скорое завершение германских споров. Письмом от 12(23) апреля 1779 г. Репнин уведомил Румянцева: «Мир еще не подписан, но может быть почтен уже верным. Я уповаю, что недели через три мы все по благополучному и решительному окончании нашей работы отсель разведемся»⁷⁰. А 13 мая 1779 г., в день рождения Марии Терезии, в городской ратуше Тешена в присутствии почетных и знатных семейств состоялось торжественное подписание мирного договора между Австрией, с одной стороны, и Пруссией и Саксонией — с другой, и нескольких важных документов по урегулированию германских дел. Гарантами

⁶⁴ Сборник..., т. 65, с. 287—288.

⁶⁵ Там же, Предисловие.

⁶⁶ Там же, с. 322.

⁶⁷ *Нерсесов Г. А.* Указ. соч., с. 161.

⁶⁸ Сборник..., т. 65, с. 360.

⁶⁹ Там же, с. 398.

⁷⁰ Там же, с. 473.

выступили Россия и Франция, представители которых подписали «специальные акты гарантии». Главные пункты мирного договора сводились к следующим положениям: 1. Австрия признавала права Пруссии на маркграфства Ансбах и Байрет и соглашалась с их присоединением к Пруссии. 2. Австрия передавала курфюрсту Пфальцскому земли в Верхнем Пфальце, отказывалась от притязаний на все территории в Баварии и обязалась вывести оттуда войска. 3. Стороны подтверждали все ранее подписанные трактаты: Вестфальский от 1648 г., Бреславльский и Берлинский от 1742 г. и Губертсбургский от 1763 г. 4. Курфюрст Пфальцкий отказывался от претензий на графство Шомбург в Саксонии и соглашался на аллодиальные претензии Саксонии на сумму в размере 4 млн талеров. В счет половины этой суммы курфюрст Пфальцкий обязался передать Саксонии графства Миндельгейм и Визенштейн⁷¹.

В тот же день, 13 мая 1779 г., Репнин радостно оповестил Панина: «Слава Богу, насилие кончилось здешнее хлопотное дело подписанием мира. Теперь не стоит уже труда говорить о всех заботах, с коими оно связано было». А через четыре дня Фридрих II выразил восторженные и лестные слова благодарности российской императрице: «Вся Германия обязана Вам миром, которым отныне мы будем наслаждаться. Несколько слов, Государыня, из Ваших уст оказалось достаточно для укрощения австрийского честолюбия»⁷².

По вполне понятным причинам австрийские и французские историки пальму первенства в положительном завершении переговоров отдают собственным державам, а представителя России князя Н. В. Репнина изображают всего лишь как ревностного исполнителя интересов прусского короля и его активного защитника⁷³. Немецкий историк К. Шёнинг, наоборот, повествует о выдающейся роли Фридриха II и его волевым влиянии на работу конгресса: «он предписал мир» уверен Шёнинг⁷⁴.

Оценивая свершившееся событие, А. И. Трачевский лаконично подытожил: Россия, стоя де-юре в Тешене на одной ступени с Францией, на самом деле «de facto поднялась выше Франции»⁷⁵. Разделяя вывод авторитетного специалиста, стоит добавить: роль российского представителя на конгрессе Репнина оставалась, несомненно, высокой и первенствующей. Его дипломатическое искусство и проявленные гибкость со вторым посредником — бароном Бретелем, с одной стороны, и твердость при решении вопросов с обеими державами — с Пруссией и Австрией — с другой, коренным образом повлияли на ход переговоров. Изложенные документы и переписка Репнина не оставляют сомнений в его огромном вкладе в дело восстановления мира в германских землях и примирения курфюрстов и прусского короля с двумя неординарными личностями — Иосифом II и Марией Терезией. Не случайно много лет спустя один из авторитетных политиков Европы Ш.-М. Талейран раздраженно произнес: «Появление России при заключении мира в Тешене стало большим бедствием для Европы, а Франция совершила серьезную ошибку, не сделав ничего, чтобы этому помешать»⁷⁶.

Следует отметить и большой вклад российских дипломатов Стахиева в Турции и Лизакевича в Саксонии, которые своим напряженным трудом способствовали восстановлению мира в Германии. Посредничество России в Тешене в решении Баварского спора стало возможным благодаря относительной стабилизации обста-

⁷¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций..., т. 2, с. 135—136.

⁷² Мартенс Ф. Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II, с. 249.

⁷³ Arneht A. Maria Theresia und Joseph II, Bd. 2, S. 285, 299; Sent-Priest A. La Guerre de la Succession de Bavaiere et le congress de Teschen. 1777—1779. — Etudes diplomatiques et litteraires, v. 1. Paris, 1850; Fussenger G. Maria Theresia. Wien, 1980.

⁷⁴ Шёнинг К. В., фон. Указ. соч., с. 83.

⁷⁵ Трачевский А. И. Немецкий вопрос во Франции при Людовике XVI. Одесса, 1880, с. 34—35.

⁷⁶ Талейран Ш.-М. Мемуары. М.—Л., 1934, с. 343.

новки на Чёрном море по итогам проделанной Стахиевым работы по предотвращению войны с Турцией.

Последствия мирного конгресса в Тешене благотворно сказались на общеполитической ситуации в Европе, и очаг войны, так явственно разгоравшийся, вовремя был потушен. В целом же, усилиями российской дипломатии в напряженные 1770-е годы удалось предотвратить вооруженные конфликты и на Востоке, и на Западе, что привело к росту влияния России в Центральной Европе и внешнеполитическим переменам. Так, если до 1778 г. у России существовали дипломатические отношения только с Саксонией, Гамбургом и Имперским собранием в Регенсбурге, то после Тешенского конгресса Петербург установил тесные связи с курфюршествами Майнц, Трир, Кёльн, а также с Вюртембергом, Баденом, Гессен-Касселем и Цвейбрюкеном.

Важное значение конгресса в Тешене заключалось и в том, что предпринятая было Австрией наступательная политика сорвалась, и Вена не получила столь желанной ею Баварии. Пруссия также не добилась территориальных приращений, что сохранило политическое равновесие в Европе.